

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В настоящее время в научных и общественных кругах ведется острая полемика о том, как человеческой цивилизации развиваться дальше, поскольку в условиях экологического кризиса «современное состояние человека как биологического вида можно сравнить с балансированием на грани между эволюционной трансформацией и полным исчезновением» [2. С. 67].

Для предотвращения экологической катастрофы обычно предлагаются две стратегии: 1) построение нового искусственного технологического механизма регуляции окружающей среды в глобальных масштабах, способного полностью заменить собой естественную биотическую регуляцию; 2) сохранение естественных биологических сообществ в не освоенном человеком состоянии на территориях, достаточных для обеспечения естественной регуляции окружающей среды в глобальных масштабах. В основе этих стратегий лежат две системы взглядов на проблему взаимоотношений Человека и Природы: антропоцентрическая (сциентизм, технократизм, супероптимизм) и биоцентрическая (консервационизм). Различия между ними заключаются, во-первых, в приоритетах: цивилизации перед природой, законы которой не должны мешать научно-техническому и социальному прогрессу человечества; или, наоборот, природы при отсутствии какой-либо исключительности человека по сравнению со всем миром живого. Во-вторых, мировоззрения различаются в отношении к научно-техническому прогрессу, который технократами рассматривается как средство решения возникающих экологических проблем, а консервационистами – как зло, порождающее эти проблемы. Антагонизм не мешает мировоззрениям сходиться в одном: разделение человека и биосферы при приоритете одного в ущерб другому.

Помимо этих концепций существует и компромиссный путь, который называют экологическим реализмом (концепцией устойчивого развития, коэволюцией природы и общества), предполагающий стратегию развития, обеспечивающую совместимость науки, техники (технологий) и самого человека в недеградированной биосфере.

Одним из способов создания моделей развития человеческой цивилизации можно считать идеи, высказанные в фантастической литературе. Известный писатель-фантаст А. Кларк оценил утопии (читай: фантастику) как естественную тренировку для тех, кто желает смотреть вперед более чем на десятилетие. Ценность утопии состоит в том, что она способна подсказать возможные модели развития событий в долгосрочной перспективе, а также может служить предупреждением о тупиковых направлениях эволюции [13]. Данная работа является попыткой связать фантастические модели развития цивилизации с реальностью, обсудить экологические проблемы и возможные пути их решения в зеркале фантастической литературы.

Фантастическая идея опережает действительность, но при этом всегда основана на современном ей уровне развития научной, технической, социальной мысли человечества. Фантастика черпает свои идеи и сюжеты из проблем сегодняшнего дня, описывает мечты и тревоги своего времени. Рассматривая фантастику в таком аспекте, ее нельзя назвать только литературой о будущем или характеризовать как «пустую мечту, выдумку воображения, затейливость, причуду» (так определял фантазию В. И. Даль) [9]. В настоящее время в условиях роста интереса общества к экологическим проблемам в фантастической литературе нашли отражение и современные экологические концепции.

В ракурсе нашего рассмотрения будут находиться уже упомянутые две экологические концепции развития – технократизм и консервационизм, а также поиск путей компромисса между ними.

Концепция технократизма: безудержный рост науки и техники, покорение и преобразование природы человеком – то, что было когда-то мечтой человечества (и значительной, если не главенствующей темой в фантастической литературе), в настоящее время вызывает чувство тревоги. Содержание многих фантастических произведений сводилось к описанию того, как brave космонавты пересекают безбрежные просторы космоса, высаживаются на далеких планетах, засевают их семенами земных растений, попутно постреливая в местных чудовищ из всех видов фантастического оружия. Яркой иллюстрацией такого стиля мышления может служить рассказ Р. Брэдли «Здесь могут водиться тигры». Он начинается словами: «Надо бить планету ее же оружием. Ступите на нее, ... отравите животных, запрудите реки, стерилизуйте воздух, ... поработайте как следует киркой, заберите руду и пошлите [планету] ко всем чертям, как только получите все, что хотели получить» [4. С. 273-274].

Классическим примером оптимизма человека в его природопокорительской практике является роман одного из создателей научной фантастики Ж. Верна «Таинственный остров» [6]. Герои этого романа из часов, собачьего ошейника и одного пшеничного зернышка за несколько лет создали промышленность и сельское хозяйство на необитаемом острове. При этом колонисты не очень-то церемонились с окружающей средой – меняли русла рек для своего удобства, уничтожили популяцию ягуаров «в целях безопасности» и т.д. Весьма символичным кажется то, что в конце романа остров был уничтожен природной катастрофой. Но островитяне чудом спасаются, сохраняя свою несокрушимую веру в могущество науки. Один из колонистов всерьез считал, что если бы капитан Немо был еще жив, «он бы не дал острову взорваться».

Современные технократические модели выглядят как создание цивилизации без биосферы, основанной на самодостаточных, управляемых с помощью технологии экосистемах. А. Азимов так описывает

экологическую ситуацию на Земле: «С ростом населения возникла необходимость более разумного устройства городов.... сотни тысяч домов для сотен тысяч семей ...[были заменены] одним сектором на сто тысяч квартир». Продовольствие обеспечивало «все возрастающее применение дрожжевых веществ и гидропоники». Благодаря чему «каждый город обладает определенной автономией и способен обеспечить себя почти всем необходимым. Он возвел над собой крышу, оградился со всех сторон, вгрызся глубоко в землю. Он уподобился стальной пещере, громадной, всем обеспеченной пещере из стали и бетона... Между городами простираются незаселенные пространства... Именно здесь человек добывает себе воду, уголь, древесину, которые идут на изготовление пластмасс и вечно растущих дрожжевых культур. (Нефть уже давно израсходована, но ее полностью заменили богатые жирами штаммы дрожжей.)... Трудятся [в основном] роботы, которые стоят меньше и работают лучше... Создание такого города является вершиной победы человеческого гения над природой» [1. С. 189-190].

Подобное описание устройства городов и организации будущей цивилизации встречается во многих фантастических моделях. И хотя многие технократы-супероптимисты искренне верят в возможность перехода человечества к автотрофному типу питания, экологи с легкостью доказывают утопичность таких представлений [10]. О несостоятельности возможности создания столь крупных замкнутых экосистем свидетельствует неудача, которую потерпел проект Биосфера-2.

Сам Азимов в том же произведении чуть ниже пишет: «Жить в городах не плохо... Беда, однако в том, что жизнь эта меняется к худшему. Население постоянно растет. Наступит день, когда даже города, со всей их техникой, будут просто не в состоянии обеспечить людям минимум калорий, необходимых для существования» [1. С. 191]. Таким образом, даже будущая технократическая модель описывает трудности с решением демографической проблемы.

Негативные стороны технического прогресса породили и концепцию консервационизма, суть которой сводится к призыву «назад к природе». В технизации планеты адепты «зеленого» пути развития видят оскорбление своих религиозных чувств: «Благополучие может быть достигнуто только при жизни в естественных условиях, полной покаяния и самопожертвования»[14. С. 155].

В отличие от реальности фантастика предоставляет неограниченное поле деятельности для сторонников консервационизма. Например, это планета с нетронутой природой, которую специально заселяют колонисты, бегущие от цивилизации. «Это новые только открытые территории, и земля там ничья... А уж какая она плодородная – бросишь горсть зерен – и на тебе урожай. Земля для полей, лес для костра и строительства... а воздух такой свежий, что обжигает ноздри» [16. С. 289-290]. Как видно, автор пишет об этом с чувством ностальгии по добрым старым временам, «пасторально-феодалному периоду».

К первобытному образу жизни переходит и экипаж потерпевшего крушение звездолета, вынужденный бороться за выживание, лишившись всей своей техники в книге К. Булычева «Перевал»[5]. Но в данном случае автор рассматривает ситуацию как тупик развития общества и даже деградацию человека. Если потомками экипажа будут править охотники, а не учителя, то через несколько поколений люди превратятся в первобытное племя. «Борьба за существование в элементарной форме приведет к безнадежному регрессу... Мы все думаем о будущем, боимся и надеемся. Иначе перестанем быть людьми» [5. С. 266-267]. Поэтому даже в тяжелейших условиях люди пытались сохранить и передать свои знания, приобретенные в цивилизованном мире, хотя и не столь очевидно необходимые в настоящий момент.

Основная проблема консервационизма, которую прекрасно видят все писатели, состоит в том, что одним натуральным хозяйством, без помощи извне выжить трудно. Даже Робинзон Крузо, оставшись один на один с

дикой природой на необитаемом острове, выжил благодаря достижениям цивилизации, забрав с тонущего корабля инструменты, оружие и порох, которого ему хватило на 28 (!) лет[11].

Возвращаясь к роману К. Саймака «Кольцо вокруг Солнца», необходимо заметить, что идиллическость описанной выше картины опирается на помощь мутантов – людей будущего, представителей биологического вида, идущего на смену *Homo sapiens*, открывших для людей эту планету. В распоряжение поселенцев «одного робота присылают, чтобы помочь в работе, а другой робот ходит к нам девять месяцев в году и учит детишек... А если вы заболете, они присылают вам доктора и все, что нужно» [16. С. 290]. При этом все промышленное производство, разумеется, безотходное и полностью автоматизированное, вынесено мутантами на другую, необитаемую планету.

Наибольший интерес для данного исследования представляют те фантастические произведения, в которых непосредственно противопоставляются идеи технократизма и консервационизма.

Носителями идей технократизма в этих произведениях являются люди, а в роли консервационистов выступают и герои-одиночки (П. Андерсон «Сестра Земли»), и сельские общины (Г. Гаррисон «Неукротимая планета», Дж. Мартин «Зовите его Моисей»), и внеземной разум (У. Ле Гуин «Слово для «леса» и «мира» одно», Дж. Мартин «Хранители»). Технократы очень напоминают типичных представителей нашей, вполне реальной земной цивилизации, да и все далекие планеты со сбалансированной биосферой можно рассматривать как модель Земли. Во всех случаях они преобразуют природу для своих нужд, не стесняясь в средствах, консервационисты же поначалу выглядят безвредными, гораздо более мирными, чем их идейные противники. Но и консервационизм часто оказывается не менее воинствующим в своем противоборстве технической цивилизации. Как только технократы нарушают привычный уклад жизни консервационистов, те вступают с ними в непримиримую борьбу.

В повести П. Андерсона «Сестра Земли» ученый-биолог Хоуторн, изучающий на Венере океаническую цивилизацию разумных дельфоидов, узнаёт о разработанном на их исследовательской станции проекте превращения этой планеты во вторую Землю. Правда, для этого придется уничтожить на Венере все живое, «впрочем, вполне гуманно. Первая же взрывная волна [водородных бомб] уничтожит все живые организмы, они просто не успеют ничего почувствовать» [3. С. 299]. Хоуторн убеждает своих коллег отказаться от этого проекта и даже скрыть само его существование. А чтобы земляне и впредь оставили Венеру в покое, он просто-напросто убивает всех людей и взрывает исследовательскую станцию. Кроме того, он уничтожает подводный город дельфоидов, с целью вызвать их ненависть к людям и сделать невозможным дальнейшие контакты между цивилизациями.

Оставим в стороне морально-этические соображения по поводу применения всех сил и средств во имя Защиты Природы, но отметим, что по-видимому, прав был американский философ Д. Винер, рекомендующий «не забывать о том, что в мире, где существует более одного фанатизма, в принципе невозможно мирное сосуществование» [7. С. 96].

Иной характер борьбы между биологической и технической цивилизациями приобретает противостояние в романе У. Ле Гуин «Слово для «леса» и «мира» одно» и повести Дж. Мартина «Хранители». Здесь инопланетный разум можно рассматривать в двух параллелях: как биологическую цивилизацию, живущую в гармонии с природой, а также как символ Биосферы, на которую оказывает давление Цивилизация.

В романе У. Ле Гуин показан пример биологической цивилизации на планете, полностью покрытой лесом. «Их [лесных людей] общество статично, устойчиво, однородно. У них нет истории. Полнейшая гомогенность и ни малейшего прогресса. Можно сказать, что подобно лесу, дающему им приют, они достигли природного равновесия» [12. С. 284]. Яркий пример того, что полная гармония с природой для

цивилизации это остановка в развитии (сравним климаксную экосистему, находящуюся в равновесии со средой, устойчивую к изменениям). Можно также отметить, что общая численность населения планеты составляла 3 миллиона человек, что является оптимальной демографической ситуацией для общества охотников и собирателей.

Но земляне не считают аборигенов, которых они называют «пискунами», разумными и совершенно законным путем, согласно Колониальному кодексу преобразуют эту планету. «Пришлите сюда побольше людей, постройте машины, соберите роботов, заведите фермы и города – кому тогда понадобятся пискуны? Ведь этот мир прямо-таки создан для людей. Расчистить его хорошенько, леса повырубить под поля, покончить с первобытным сумраком, дикарством и невежеством – и будет тут рай, подлинный Эдем. Получше истощенной Земли»[12. С. 235].

Но этим планам не суждено сбыться. Врожденно неагрессивные аборигены долго вообще не могли понять, как можно рубить деревья. Эколог-исследователь, выступавший посредником между двумя цивилизациями, предупреждал своих коллег остановить хищническую эксплуатацию планеты. Но не был услышан. В конце концов пискуны восстали, начали вести партизанскую войну и научились убивать людей, а пленных сослали на остров, где был уже уничтожен весь лес и нельзя было больше рубить деревья.

Кто победил? Фактически, Природа в лице пискунов заставила отступить Человека, самонадеянно считавшего себя всемогущим, не осознавшего необходимость изменения своего мировоззрения и стратегии освоения планеты.

Интересный вариант биологической цивилизации описан и Дж. Мартином в повести «Хранители»[15]. Но эта цивилизация совсем другого уровня. «Ильные горшки» – неторопливая, думающая, философская раса, населяющая мелководья планеты, на многочисленных островах которой поселились люди-колонисты. Аборигены спокойно и мирно жили в морях

этого мира. «Их долгая жизнь была большей частью раздумьями, философствованием, диковинными зелеными снами... Это немые музыканты и вместе они ткали великую симфонию сна, и эти песни длились вечно» [15. С. 140].

«Ильные горшки» впервые обратили внимание на людей, когда те начали ... их есть. Поначалу они считали, что на неинтересной для них суше появился новый ужасный хищник. Они не могли себе представить, что люди разумны. «Для них существа, которые двигаются, чем-то занимаются и едят мясо – животные и ничто иное» [15. С. 141]..

Поначалу они полагали, что экосистема сама начнет сдерживать рост численности людей. Но это не происходило, так как у людей не было естественных врагов. Тогда они начали борьбу своими, экологическими методами, вырастив чудовищ, способных воевать против вооруженных космической техникой людей. Но как только «ильные горшки» узнали, что люди разумны, они сразу же продемонстрировали готовность к переговорам. Единственное, чего они хотели от людей – это то, чтобы их перестали есть. В конечном итоге стороны договорились о перемирии и разделили свои экологические ниши. Так, путем компромиссов, было достигнуто гармоничное сосуществование между биологической и технической цивилизациями, между Природой и Человеком.

Роман Г. Гаррисона «Неукротимая планета», действие которого происходит на планете с символическим названием Пирр, практически полностью посвящен развитию взаимоотношений технократов и консервационистов[8]. В процессе ее колонизации люди организовали промышленность и сельское хозяйство, жили в мире с окружающей средой и друг с другом.

Но достаточно было одного легкого толчка, чтобы это хрупкое равновесие было нарушено. Во время лесного пожара животные побежали прямо через лагерь людей, те с перепугу их обстреляли. Ввиду особенностей местной биосферы (способность животных и даже растений

к телепатии, быстрым мутациям и сотрудничеству между собой перед лицом стихийных бедствий), сразу же началась безжалостная борьба между природой этой планеты и горожанами-технократами. Человек с пистолетом стал для слепой природы стихийным бедствием, более опасным, чем землетрясение, наводнение или ураган. Люди совершенствовали средства уничтожения, а в ответ растения и животные, телепатически воспринимая от людей ненависть, страх и желание убивать, мутировали в сторону все более и более агрессивных и опасных для человека видов.

Все усилия технократов теперь были направлены на ведение войны за выживание. Между ними и фермерами-консервационистами возникли разногласия, взаимонепонимание и недоверие, которые быстро перешли в изоляцию. Консервационисты практически полностью оказались отрезанными от технических достижений цивилизации. Выход им виделся в одном – полном уничтожении технократов для восстановления мира на планете, что они и попытались сделать при первом же удобном случае. К счастью, и среди тех, и среди других нашлись здравомыслящие люди, которые начали договариваться ради выживания.

В фантастической литературе, в отличие от реальной жизни, концепции технократизма развиваются авторами до их логического конца: технократизм в чистом виде – практически неизбежная катастрофа, консервационизм – бесперспективный тупик. В итоге никто не оказывается в выигрыше. В тех случаях же, когда технократы и консервационисты все-таки вступают в контакт и договариваются друг с другом, никто не оказывается в проигрыше. Именно такие контакты и переговоры видятся фантастам как компромиссный путь коэволюции природы и общества. Возможность и необходимость такого пути в фантастической литературе, как правило, лишь указывается без детального описания. В какой-то мере это связано с тем, что в науке пока разработаны только основные подходы для реализации гармоничного пути развития, и реальное воплощение этих

идей наталкивается на подчас непреодолимые социально-экономические и политические препятствия[17].

Подведем некоторые итоги. Технократизм и консервационизм как системы взглядов исходят из самой дуалистической природы человека. Начиная с неолита технократическое мировоззрение отражало природопреобразовательную деятельность людей и способствовало прогрессу цивилизации. Консервационизм также свойственен человеку в его потребности быть в гармонии с природой.

Отметим, что технократизм и консервационизм претерпели изменения. Технократизм ранее – это потребность творить, возможность добиться выгоды, улучшение жизни, увеличение власти человека над природой. Нынешний технократизм – это не столько желание наиболее выгодным образом использовать ресурсы биосферы, сколько необходимость управления этими ресурсами, чтобы выжить в условиях экологического кризиса. Эту концепцию можно сравнить с горнолыжником на бесконечном и крутом спуске, которому невозможно остановиться, потому что за ним несется вызванная им самим лавина.

Консервационизм ранее – это тоска по красоте природы, загубленной цивилизацией, нежелание участвовать в научно-техническом прогрессе. Нынешний консервационизм – это не столько желание, сколько потребность дышать чистым воздухом, пить чистую воду и есть натуральные продукты. Для сравнения возьмем сидящего на скамейке пожилого человека, мечтающего о возврате добрых старых времен, но не понимающего, что сам он от этого моложе не станет. Возможность диалога между фанатичными носителями этих идей также невелика, как и между уже упомянутыми горнолыжником и пожилым человеком.

А диалог этот необходим. Поиск путей альтернативного развития цивилизации продолжается, и он, видимо, станет в наступившем тысячелетии основной задачей человечества. Как и раньше, ему неизбежно

придется взаимодействовать с природой, но только не так, как это делалось раньше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов А. Стальные пещеры // Я – робот. Стальные пещеры. М.: Воздушный транспорт, 1990. С. 173-380.
2. Аллен Дж., Нельсон М. Космические биосферы. М.: Прогресс, 1991. 126 с.
3. Андерсон П. Сестра земли // Билл, герой галактики. М.: Книжная палата, 1991. С.270-306.
4. Брэдбери Р. Здесь могут водиться тигры // Тени грядущего зла. СПб.: Северо-запад, 1992. С. 273-288.
5. Булычев К. Перевал // Перевал. М.: Мол. Гвардия, 1983. С. 235-352.
6. Верн Ж. Таинственный остров. М.: Государственное издательство детской литературы, 1951. 768 с.
7. Винер Д.Р. Экологическая философия без мифов // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 82-97.
8. Гаррисон Г. Неукротимая планета // Мир смерти. Баку: Язычи; Ярославль: Ньюанс, 1992. С.5-148.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великого русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 4. 684 с.
10. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Проблемы устойчивого развития человечества // Россия в окружающем мире: 1998 (Аналитический ежегодник) / Под общ. Ред. Моисеева Н.Н., Степанова С.А. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. С. 39-52.
11. Дефо Д. Жизнь и удивительные приключения морехода Робинзона Крузо. Баку: Язычи, 1981. 180 с.
12. Ле Гуин У. Слово для «леса» и «мира» одно // Планета изгнания. М.: Мир, 1980. С. 233-375.
13. Лесков Л.В. Дотянуться до космоса // Если 1998. № 4. С. 21-27.

14. Мартин Дж. Р. Зовите его Моисей // Звезда смерти. М.: Клышников, Комаров и К, 1992. С.145-184.
15. Мартин Дж. Р. Хранители // Звезда смерти. М.: Клышников, Комаров и К, 1992. С.99-144.
16. Саймак К. кольцо вокруг Солнца // Коллекционер. М.: Радуга. 1993. С. 175-365.
17. Флавин К. Наследие Рио // Россия в окружающем мире: 1998 (Аналитический ежегодник). М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. С. 7-38.